

**Historical aspects of the functioning of the idea of the "Turkic world"
in the foreign policy of the Republic of Turkey**

**Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира»
во внешнеполитическом курсе Турецкой Республики**

Сафин Наиль Рашидович,

Нафиков Ильсур Закирзянович

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

safnail@mail.ru

Nail R. Safin,

Ilsur Z. Nafikov

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

safnail@mail.ru

УДК 93,94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению роли и особенности идеи «тюркского мира» во внешней политике Турции как инструменту воплощения экспансионистских устремлений Турецкой Республики. Политика Турции на постсоветском пространстве строится на культурно-цивилизационном родстве с тюркскими народами. Анкара в рамках ОТГ активно продвигает собственные проекты во всех сферах, увеличивая свое влияние в странах Прикаспия: оборонная промышленность, экономика, энергетика, образование и культура. Стратегия «мягкой силы» позволила Анкаре укрепить свои позиции в области образования и науки, к примеру открытие турецких университетов, школ, реализация грантов и стипендиальных программ, проведение международных

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the role and features of the idea of the «Turkic world» in the foreign policy of Turkey as a tool for implementing the expansionist aspirations of the Turkish Republic. Turkey's policy in the post-Soviet space is based on cultural and civilizational kinship with the Turkic peoples. Ankara, within the framework of the United Territory, actively promotes its own projects in all areas, increasing its influence in the Caspian countries: defense industry, economy, energy, education and culture. The strategy of «soft power» allowed Ankara to strengthen its position in the field of education and science, for example, the opening of Turkish universities, schools, the implementation of grants and scholarship programs, holding international symposiums and conferences financed by the gov-

симпозиумов и конференций, финансируемые правительством (в т.ч. ТИКА, ТЮРКСОЙ и др.) в бывших советских республиках.

Пантюркизм, возникший как политическое движение национальной интеллигенции в Османской империи, проповедовал языковую, религиозную и культурную общность всех тюркоязычных народов, и выдвигал амбициозную цель создать тюркское квазигосударство — «Великий Туран», в состав которого должны были войти все тюркские народы. После распада СССР Турция одной из первых признала независимость бывших республик и активно включилась в процесс выстраивания отношений с новыми независимыми государствами. Основной упор во внешнеполитической стратегии Анкары делался на тюркские государства постсоветского пространства. Через создание блока тюркоязычных государств со своим лидерством Турция рассчитывала использовать исторический шанс по трансформации в крупного, трансрегионального игрока с глобальными амбициями и инструментами влияния на международной арене.

Ключевые слова. Турецкая Республика, геополитическая конкуренция, тюркский мир, пантюркизм, неоосманизм

Для цитирования: Сафин Н.Р., Нафиков И.З. Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира» во внешнеполитическом курсе Турецкой Республики. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 147-163 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163>

ernment (including TIKa, TURKSOY, etc.) in the former Soviet republics. Pan-Turkism, which emerged as a political movement of the national intelligentsia in the Ottoman Empire, preached the linguistic, religious and cultural community of all Turkic-speaking peoples and put forward the ambitious goal of creating a Turkic quasi-state – «Great Turan», which was to include all Turkic peoples. After the collapse of the USSR, Turkey was one of the first to recognize the independence of the former republics and actively joined the process of building relations with the newly independent states. The main emphasis in Ankara's foreign policy strategy was on the Turkic states of the post-Soviet space. By creating a bloc of Turkic-speaking states with its leadership, Turkey hoped to use the historical chance to transform itself into a major, trans-regional player with global ambitions and instruments of influence in the international arena.

Keywords. Turkish Republic, geopolitical competition, Turkic world, pan-Turkism, neo-Ottomanism

For citation: Safin N.R., Nafikov I.Z. Historical aspects of the functioning of the idea of the «Turkic world» in the foreign policy of the Turkish Republic. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (2). P. 147-163 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163>

На современном этапе во внешней политике Турция действует широким фронтом: страна имеет собственные внешнеполитические интересы в Европе, Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке, Северной и Южной Америке.

Однако одним из ключевых направлений, где Турецкая Республика сосредотачивает значительную часть собственных дипломатических ресурсов и ресурсов влияния, является регион «тюркский мир». Любое усиление националистических элементов в турецких властных кругах или вовлечение в официальный дискурс националистических оттенков вызывает рост внимания к этому направлению внешнеполитической деятельности. Термин «тюркский мир» в его нынешнем социально-политическом понимании был создан в Турции для описания региональной общности тюркоязычных стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых регионов Российской Федерации с тюркским большинством населения.

Для того чтобы продолжить анализ пантюркизма в современной идеологии Турции, думается, что необходим небольшой экскурс в историю происхождения термина «тюрк». Вместе с тем, как будет указано ниже, история происхождения термина содержит немало спорных утверждений.

Первое упоминание понятия «тюрк» относится к 542 году. В начале XX века датский тюрколог В. Томсен предположил, что термин «түрк» или «түрук» имел первоначальное значение как «сила», «крепость». Советский тюрколог, академик В.В. Бартольд опровергает эту теорию и на основании детального анализа текстов тюркютов сделал вывод о более вероятном про-

исхождении термина от слова «түрү» («закон», «обычай») и об обозначении так народа, находящегося под правлением тюркского кагана — «түркім будуным», то есть, «управляемым мною народом» (Бартольд 1993, 23).

Советский лингвист-тюрколог А.Н. Кононов, рассуждая о термине-этнониме «turk», утверждал, что первоначально понятие было политическим термином, возникшим из слова «turkiin»/torkin I turgiin/ torgin и подразумевало под собой исключительно представителей знати/военной аристократии, затем трансформировавшись в символ господствующего, «княжеского» рода и подвластных ему племен (Кононов 1972, 14). Кроме того, ни в русской, ни в западной исторической науке не было традиции именовать печенегов или половцев как турков. Понятие «турки» было широко распространено в Европе в качестве обозначения народов сельджукской и впоследствии Османской империи. В.В. Бартольд настаивает, что в русских летописях упоминается термин «торки», но в качестве обозначения того народа, который в византийских источниках называется «узами», то есть, огузами (Бартольд 1993, 24).

Альтернативной теорией происхождения этнонима «тюрк» можно считать гипотезу об иранском происхождении термина, подтверждающаяся археологическими и палеоантропологическими данными. Так, Д. Е. Еремеев обращает внимание на то, что заимствования основополагающих терминов хозяйства, титулатур, числительных свидетельствуют не только о сильнейшем культурном влиянии этноса-донора (персы), но и о широком участии его

в генезисе этноса-реципиента (тюрки) (Еремеев 1990, 131). Более того, переход иранского «тур» в тюркское «тюр» закономерен фонетически: иранские широкие губные гласные трансформировались в тюркском языке в узкие (Еремеев 1990, 133).

История происхождения тюрков и их развития имеет многочисленные традиции и древние корни. В древних китайских летописях есть упоминания о тюрках (туцзюе), которые уже к третьей четверти VI века совершали регулярные опустошительные набеги на северные территории царства Вэй. Сообщается, что эти племена пришли откуда-то с севера-запада. По мнению исследователей, последующие события, связанные с развитием тюркских племенных объединений и государственности, предопределили развитие истории на всем континенте на несколько столетий вперед (Покровский 1977, 321). Тюрки сыграли значительную посредническую роль в выстраивании диалога между двух культур: средиземноморской и дальневосточной, развивали собственную культуру, способную, по их мнению, противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Русский историк Л. Н. Гумилев утверждает, что главная особенность древнетюркского общества была в сложных формах общественного бытия и социальных институтов тюрков: эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран (Гумилев 1967, 6).

Наиболее ранним феодальным государством древних тюрков было государство Тюркский каганат (551-744 гг.) во главе с родом Ашина на Алтае. Ученые-востоковеды сходятся во мнении, что это государство уже через несколько лет после образования государственности претендовало на роль гегемона в регионе Центральной Азии (Кляшторный 1964, 214; Покровский 1977, 479; Акишев 2013, 192; Пигулевская 1946; Гумилев 1967, 504; Бартольд 1993, 192; Бичурин 1950; Малов 1951, 451; Токарев 1958, 615). Но просуществовать долго в первоначальном ее виде государство, основанное в результате покорения других племен, не могло. Таким образом, ввиду кризисных политических и социально-экономических явлений, древнее государство тюрков в 603-604 гг. было разделено на две автономных, политически целостные общности — Восточно-тюркский каганат с центром на прежних землях в Центральной Азии и Западно-тюркский каганат — в Средней Азии и Казахстане, в 630 и 659 гг. — к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 году) и к гибели империи в 745 году.

Однако понятие «тюрк» не исчезло. Более того, оно распространилось на пол-Азии. По-видимому, присвоение слову «түрк» того лингвистического значения, которое оно имеет в настоящее время, было делом арабов-мусульман. Арабы обратили внимание на схожесть языков многих народов с языком тех тюрков, с которыми им приходилось иметь дело в VII и VIII вв., ввиду чего они стали называть тюрками всех воинственных кочевников. В дальнейшем этот термин еще не раз видоизменялся, приобретая, в итоге, статус языковой

семьи. По мере распространения ислама и сами турецкие народы стали именовать себя так. Таким образом, многие народы превратились в «тюрков», никогда не входившие в великий каганат VI–VII вв.

Вместе с тем ранние средневековые писатели Востока настаивали на том, что каждый из этносов, будь то монголы или турки, не представляли собой однородную массу. Документы Ибн Хордадбека (IX век), Рашид-ад-Дина свидетельствуют о том, что «хотя внешний вид, наречия и говоры тюрков близки друг другу, однако сообразно различию характера и естественных свойств климата каждой занимаемой ими области, во внешнем облике и в наречии каждого тюркского народа наблюдаются небольшие основные различия» (Рашид-ад-Дин 1952, 75). То, что древние турки никогда были единым «пранародом» советским этнографам абсолютно очевидно. По мнению советского этнолога Л.П. Лашука, «самое подходящее научное наименование для таких массивов племен — «этнолингвистическая группа», главной особенностью которой является родство составляющих ее племен по происхождению и языку, но обнаруживается это родство в самом общем плане (например, в генеалогической традиции), а не в узком смысле свойственного отдельному племени единства «крови и имени», отчетливо осознаваемого соплеменниками — членами данной локальной общности» (Лашук 1968, 98).

Не прекращаются научные дискуссии о принадлежности и соотношению языков и их диалектов внутри тюркских языков. В исторической науке существует множество класси-

фикаций тюркских языков, мы считаем необходимым обратиться к научным трудам лингвистов-тюркологов Н.А. Баскакова (Баскаков 1969, 383), А.Н. Кононова (Кононов 1949, 47), Т. Текина (Текин 1980) о систематизации тюркских языков, позволяющих классифицировать тюркские народы по языковой системе.

Согласно Н. А. Баскакову, турки делятся на пять региональных групп. В состав первой региональной группы вошли татары из Литвы, Белоруссии, караимы, крымчаки, урумы, крымские татары, гагаузы. Вторую региональную группу составили азербайджанцы, относящиеся к огузской языковой группе Кавказского региона; представители кыпчакской группы — кумыки, карачай-балкары, ногаи. В третью региональную группу вошли представители болгарского языка в Волгоградском регионе — чуваш; представители кыпчакской группы — татары и башкиры. Четвертую региональную группу по этнолингвистической системе включают представители карлукской группы — узбеки и уйгуры; представители кыпчакской — казахи и каракалпаки; представители огузской — туркмены; представители кыпчак-киргизской группы — киргизы. К пятой группе относятся многочисленные восточные тюркоязычные народы, расположенные на территории Сибири. В том числе тувинцы, тофы (карагасы), составляющие Восточную уйгурскую часть; представители сахов — сахи, долганы; представители хакасов — хакасы, шорцы, северные алтайцы, чулымцы, камасинцы; представители киргиз-кипчаков — южные алтайцы (Баскаков 1960, 12).

В соответствии с классификацией А. Н. Кононова все тюркские языки систематизированы в семь больших групп:

1. Булгарская группа. В неё включен современный чувашский язык.

2. Огузская группа. К ней относятся на современном этапе азербайджанский, гагаузский, тюркский, туркменский языки.

3. Кыпчакская группа. Эта группа состоит из трех подгрупп: кыпчак-половецкий, кыпчак-булгарский и кыпчак-ногайский. Первую подгруппу составляют: языки каракаимов, карачаев, балкаров, кумыков, крымских татар, белорусских татар. А кыпчако-булгарскую подгруппу: языки башкирских и волжских татар. Третью, то есть, образующие кыпчак-ногайскую подгруппу: казахский, каракалпакский, ногайский языки.

4. Карлуко-уйгурская группа. Это современные узбекский, уйгурский, саларский, лобнорский языки, входящие в эту группу.

5. Уйгурско-огузская группа. К этой группе относятся языки карагасов (тофы), тувинцев, хакасов, шорцев, чулымцев, Сибирских татар.

6. Киргизско-кыпчакская группа. Эту группу составляют алтайский и киргизский языки.

7. К группе Саха (якутская) относится только один язык саха (Кононов 1949, 45).

Т. Текин подразделяет тюркские языки на двенадцать групп:

I группа включает в себя чувашский язык.

Во II группу входит только халаджский язык.

III группа состоит из якутского языка (саха тыла).

VI группу составляет тувинский язык.

V группа объединяет три подгруппы: 1) хакасский язык; 2) среднечулымский диалект чулымского языка и язык татаров Верней Оби; 3) язык желтых уйгурский.

VI группу составляет северо-алтайский язык.

VII группа состоит из языков Южного Алтая.

VIII группу составляет единственный киргизский язык.

IX группу образуют две общие подгруппы: 1) узбекский язык, 2) новый уйгурский язык.

X группа охватывает три подгруппы. Первая подгруппа состоит из двух ветвей: а) казахского и каракалпакского языков; б) ногайского языка. Вторая подгруппа состоит из трех ветвей: а) татарского; б) башкирского; в) барабинско-татарского языков. Третья подгруппа состоит из двух ветвей, к первой относятся: а) карачай-балкарский; б) северный крымско-татарский языки, а ко второй ветви относятся: а) хорезмский диалект узбекского языка; б) карагашский; в) южный крымско-татарский; в) кумыкские языки.

XI группа образует один саларский язык.

XII группа объединяет четыре подгруппы. В первую часть входит туркменский язык, во вторую часть хорезмско-огузский диалект узбекского языка, в третью - азербайджанский язык; четвертая подгруппа состоит из двух ветвей: а) тюркский; б) гагаузские языки (Текин 1980, 389).

Следует отметить общие черты классификационных систем Н. А. Баскакова и А. Н. Кононова. Вместе с тем, в классификацию Н. А. Баскакова не вошли представители многочисленного тюркского общества Западной Европы, Анатолии и полуострова Балкан; не упомянуты польские татары. Из систематизации по вышеперечисленным языкам А. Н. Кононова мы рассматривали только те языки, которые используются и поныне. Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу, что наиболее удачной классификацией тюркских языков считается классификация А. Н. Кононова.

Рассмотрим подробнее термин «пантюркизм» как обоснование идеи «тюркского мира». По определению советского исследователя Д.Е. Еремеева, «Пантюркизм — национал-шовинистическая буржуазная идеология, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, и прежде всего, турки-мусульмане, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое государство» (Еремеев 1975, 445), простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран (отсюда применяемое иногда к пантюркизму название пантуранизм). Пантюркизм возник на рубеже XIX-XX вв. и развивался как

наслоение тюркизма — турецкого национализма. В нем было и некое подобие национализма «угнетенной нации», как в силу все большего подчинения Османской империи диктату западных держав, так и из-за пренебрежения интересами «простого» турка со стороны официальных властей. Именно потому в защиту этих интересов все активнее стала выступать национальная интеллигенция (Надеин-Раевский 2022, 65).

Младотурецкая революция 1908 года и, последовавшие за ней балканские войны (1912-1913 гг.), привели к окончательному отпадению от Османской империи балканских государств, а внутри страны — к крушению доктрины «османизма». Именно на смену этой доктрине и пришла идея пантюркизма, получившая распространение благодаря активной пропаганде как местных пантюркистов, так и эмигрантов из царской России. Не нашли поддержки в массах и идеи панисламизма. Арабские подданные империи постоянно восставали против произвола османов. Между тем империя могла пасть еще в начале XIX века в результате действий египетского правителя Мухаммеда Али, когда только вмешательство великих держав позволило сохранить целостность имперских владений (Надеин-Раевский 2022, 65).

Следует отметить, что пантюркистская доктрина наряду с панисламизмом сыграли решающую роль во вступлении Турции в Первую мировую войну (1914-1918 гг.). По словам советских историков, активная пропаганда велась некоторыми буржуазными националистическими партиями и движениями Поволжья, Средней Азии и Закавказья (например,

джадидизма) (И. Гаспринского, Г. Исхаки, Эмин-бек Расульзаде и др.) с целью отвлечения масс от революционного движения и, впоследствии, потери Россией ее национальных окраин (Еремеев 1975, 445). Как утверждает отечественный исследователь В.А. Надеин-Раевский, в период Первой мировой войны российские последователи пантюркизма, мигрировавшие в Турцию, оказали решающее влияние на становление идеи в Турции (Надеин-Раевский 2024, 20). В ходе общих сборов последователей движения обсуждалось создание будущего «государства Туран», а также то, на каком языке в нем будут говорить. Причем, почти единогласно на таких собраниях подчеркивалось, что основным языком для всех тюрков должен стать османский турецкий, а родные языки оставляются в средних школах в качестве «факультативов».

В брошюре Ю. Акчуры, Али Кемаля и Фериды Ахмеда «Три политические системы», вышедшей в 1911 году, авторы обосновывали приоритетность пантюркистской идеологии над панисламизмом и османизмом. Ю. Акчура выделял тюркизм как наиболее перспективный и реальный путь единения тюрков. Он выступал за создание политического Альянса всех тюркских народов с центром в Турции.

Наиболее ярко турецкий национализм проявился в трудах философа З. Гекалпа, который был противником как идей османизма, так и панисламизма. Он обосновывал необходимость разделения светской и духовной ветвей власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации. По его

мнению, главным условием этого было объединение всех тюркоязычных народов в рамках общего государственного формирования.

Создатель «Истории тюркского права» С. Максуди поддерживал теорию о древности тюркской цивилизации, предполагая, что этруски были прототюрками, кроме того, лексика и грамматика всех основных индоевропейских и в меньшей степени семитских языков пронизывают тюркские элементы, делающие вышеуказанные языки переполненными всевозможными грамматическими исключениями. Главное достоинство цивилизации того времени было в умении организовывать большие массы людей в развитые кочевые сообщества с большими познаниями о широком окружающем мире. Все это привело к более раннему, по сравнению с другими народами, формированию довольно совершенного и устойчивого языка.

Более того, пантюркисты возлагали надежды на помощь Германии в осуществлении своей идеологической экспансии на Восток. Однако реализации вышеуказанной идеи «Великого Турана» мешал «армянский клин», отделявший Османскую империю от остального тюркского мира. Пантюркистскими лидерами под руководством государственных структур в 1915 году были организованы массовые аресты и убийства армян в Османской империи.

После победы кемалистской революции (1918-1923 гг.) пантюркистское движение в стране было запрещено, как и пантюркистская и панисламистская пропаганда, однако фактически оба течения не исчезли. После поражения белого движения в России в Турецкую

республику стали пребывать пантюркисты и панисламисты. И хотя между РСФСР и Турцией действовал «Договор о дружбе и братстве» от 16 марта 1921 года, предусматривающий недопустимость создания враждебных для сторон-участников договора движений, официальные турецкие власти не пресекали деятельность антисоветских деятелей.

Советские исследователи настаивают, что после смерти Кемаля Ататюрка в 1938 году активизировалась пропагандистская и антисоветская работа турецких пантюркистов, установивших тесные связи с немецкими фашистами (Еремеев 1975, 445).

После Второй мировой войны пантюркизм как явление вступил в этап своего затишья, по-настоящему расцветом пантюркизма стал период конца XX и начала XXI века. Распад Советского Союза, а в дальнейшем и формирование новой полицентричной системы международных отношений только подстегнули амбиции Турции на этом направлении. Начало XXI века, а именно приход Р. Т. Эрдогана к власти, вдохнул новую жизнь в достаточно на тот момент старую идеологию (Аватков 2022, 302). Для самой Турции тюркоязычные страны представляются собственной сферой влияния, интересы же других традиционных акторов этого региона, в первую очередь Российской Федерации, не принимаются турецким правящим классом во внимание.

Сосредоточим внимание на современной трактовке проблемы формирования «тюркского мира» как особого исторического типа этнической общности. Хотя часть исследователей современные границы «тюркского ми-

ра» устанавливают в границах Центральной Азии, нам представляется, что это не вполне справедливо, ввиду того, что он включает в себя все области, населенные тюркоязычными народами, в том числе автономные тюркские республики (автономное территориальное образование Гагаузия на юге Молдавии, Синьцзян-Уйгурский автономный район на северо-западе Китая), Азербайджан, Кавказ, Закавказье, тюркоязычные регионы Российской Федерации (Чувашия, Башкирия, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тува, Республика Саха, Республика Алтай, Кабардино-Балкария, Хакасия) (Таха 2009).

Турецкая официальная историческая наука постулирует, что турецкая нация берет начало от исторических тюркских народов. Отметим, что термины «турок» и «тюрк» в турецком языке обозначаются словом «тюрк» (Мустафаев, Старостов 1977, 876). Более того, обосновывается, что со временем турецкий народ мигрировал из Центральной Азии на запад, сохранив свою самобытность, расширил свою власть в регионе. Напротив, тюркские племена, оставшиеся в Центральной Азии, испытывали лишения и ограничения, чем воспользовалась Россия, «оккупировав» Азербайджан в первой половине XIX века и Центральную Азию во второй половине XX века (Притчин 2024, 53).

Российскими тюркологами выделяются три основных периода турецкой политики в отношении постсоветского пространства:

1) 1991–2002 — «эпоха надежд»: активная работа по созданию интеграционных

платформ для объединения усилий во всех сферах. На первом этапе Анкара позиционировала себя в качестве безоговорочного «старшего брата» для новых независимых государств после распада СССР. В общественно-политической среде тюркоязычные народы России и СНГ уже тогда именовались «внешними турками» (Грязев 2020). В практическом плане в 1992 году был проведен саммит лидеров тюркоязычных государств в Анкаре. За ним последовало целая серия встреч, но результат переговоров, как правило, ограничивался подписанием деклараций с набором необязательных к исполнению положений.

2) 2002–2014 — «эпоха поэтапности»: планомерная интеграция и воздействие на местную политическую элиту. Относительный прорыв произошел только в 2009 году, спустя почти двадцать лет после начала активного периода турецкой внешней политики на тюркском направлении. В качестве ключевого политического проекта для расширения влияния Турции в регионе стало подписание Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) в рамках VIII Саммита президентов тюркоязычных государств Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции. Тюркский совет стал постоянно действующей структурой для тюркского сотрудничества.

3) 2014 – н.в. — «эпоха туркоцентричной интеграции»: период, когда Анкара становится «хабом» (центром притяжения) и пытается заменить тюркское турецким, использовать ресурсы накопленного влияния (Аватков 2021).

С избранием Р. Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 году в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание «тюркский мир». Во внешнеполитическом курсе «новой Турция» Р. Т. Эрдогана доминируют две линии — имперскости (Ataç 2019, 65) и ущемленности системой международных отношений. Первая проявляется в радикальном переосмыслении исторического и пропаганде османского наследия в качестве «позитивного и идеализированного», а также «прогрессивного» (Надеин-Раевский 2020, 141). Вторая линия требует от властей символических шагов по укреплению положения Турции на международной арене и проявляется в том, что Анкара не боится бросать вызов всей системе международных отношений. Очевидно, что такого рода конструктом стала «многовекторность по-турецки», которая объясняется равноудаленностью от Запада и Востока и, одновременно, доминирование в трех пространственных измерениях, а также указывает на региональную великодержавность Турции.

В ноябре 2021 года ССТГ был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В настоящее время членами ОТГ являются Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан.

Согласно уставным документам ССТГ, основными целями учреждения являются: укрепление между сторонами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поддержание мира и укрепление безопасности в регионе и мире в целом; поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам; поощрение эффективного

регионального и двустороннего сотрудничества во всех областях, представляющих общий интерес (Соглашение 2022). То есть, помимо сугубо образовательных и культурных целей, Турция через создание и развитие организации продвигает идею создания политических институтов по координации внешней политики, а также формирования общего экономического пространства в противовес существующим интеграционным проектам, в первую очередь Евразийского экономического союза. В отношениях с региональными игроками, начавшими делать первые самостоятельные шаги на международной арене, Турция делала упор на культурную, языковую, ментальную близость, добиваясь, что такая неформальная основа позволит укрепить политическое и экономическое влияние в регионе.

Анализируя успехи Турции в транспортной и энергетической отрасли Евразии, а также учитывая конфронтацию между Россией и Западом в условиях украинского кризиса можно констатировать, что для стран Центральной Азии и Южного Кавказа роль Турции как альтернативного «нейтрального» партнера со временем будет возрастать.

Помимо вышеперечисленного на внешнеполитической арене Турция также выступает защитником мира и демократии. Например, на пространстве Ближнего Востока Турция вскоре после начала в регионе «арабской весны» и массовых антиправительственных выступлений приняла сторону оппозиции и протестующих (Глазова 2015, 94). Результатом подобных настроений и одним из векторов сирийского

направления внешней политики современной Турции стала поддержка деятельности населяющих север страны сирийских туркмен, или туркоманов, — тюркского народа, в составе вооруженных формирований воюющего против официального сирийского режима и курдов и по этой причине представляющего особый интерес для Турции (Волков 2020). Нельзя однозначно трактовать инициативность Турции в «потребности» защитить угнетенные тюркские народы, но необходимо отметить ее более заметный переход в военную плоскость с приобретением явного милитаристского оттенка. Обращаем внимание, что так называемые «антитеррористические» военные операции, которые проводятся ВС Турецкой Республики на территориях приграничных государств (Сирии и Ирака), проходят без соответствующего разрешения правительств этих государств, и уже вошли в повседневность, став неотъемлемой частью внешней политики страны.

Можно ли рассматривать пантюркизм как экспансионистскую доктрину современной Турецкой Республики? Очевидно, что Турция встраивает идеологию, ведущую свою историю с XIX века, в свою современную внешнюю политику. Таким образом, Турецкая Республика выводит в этой подсистеме себя на передний план, утверждает собственное лидерство, якобы поддерживаемое исторической, идущей с османских времен традицией возглавлять крупные многонациональные объединения.

Начало XXI века, а именно приход Р. Т. Эрдогана к власти, вдохнул новую жизнь в достаточно на тот момент старую идеологему.

На современном этапе пантюркизм стал неотъемлемой частью внешнеполитического дискурса турецких политиков. Пантюркизм наряду с неосманизмом позволил Анкаре заложить фундамент для реставрации своих имперских амбиций, которые по итогу вышли за рамки постосманского пространства. Сегодня Турция активно ведет работу по интеграции в свою сферу влияния всех тюркских государств на постсоветском пространстве. На этом поприще уже достигнуто заметное число успехов, среди которых очевидное и планомерное выстраивание концепции «Тюрки — это турки» посредством образования, экономики, культуры.

Нельзя не признать, что определенному прорыву в турецком подходе к региону способствует напряженная геополитическая ситуация в мире. В условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между Российской Федерацией и Западом для стран Центральной Азии и Южного Кавказа привлекательность Турции как альтернативного, относительно нейтрального партнера в политической сфере, а также альтернативного направления для транспортной и энергетической сфер многократно возрастает. Наличие платформы ОТГ позволяет выстраивать системный диалог, базы для координации усилий на международной арене. Все это в целом дает основание Турции выглядеть неформальным лидером тюркского мира.

Список литературы

1. Бартольд В.В. *Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии*. Алматы: Жалын, 1993.
2. Кононов А.Н. *История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
3. Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков). *Советская этнография*. 1990; № 3. С. 129–135.
4. *История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 томах* / гл. ред. колл. А. Н. Нусупбеков (гл. редактор), ред. колл. С.Н. Покровский и др.; Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова: Издательство Наука Казахской ССР, 1977.
5. Гумилев Л.Н. *Древние тюрки*. М.: Наука, 1967.
6. Кляшторный С.Г. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964.
7. Акишев К.А. *Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования) Монография*. Алматы, 2013.
8. Пигулевская Н.В. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.*, М./Л., 1946.
9. Бичурин Н.Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950.
10. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования* /;

- [отв. ред. А.Н. Кононов]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
11. Токарев С.Е. *Этнография народов СССР: Ист. основы быта и культуры*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
12. Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
13. *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. Волин С.Л., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Ю. М.-Л., Издательство АН СССР, 1939.
14. Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. *Советская этнография*, 1968; № 1. С. 95-106.
15. Баскаков Н.А. *Введение в изучение тюркских языков*. М.: Высш. школа, 1969.
16. Кононов А.Н. Опыт анализа термина «тюрк». *Советская этнография*. 1949; № 1. С. 40-47.
17. Текин Т. Проблема классификации тюркских языков. Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.
18. Баскаков Н.А. *Тюркские языки*. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
19. Еремеев Д.Е. *Пантюркизм*. БСЭ. М., 1975. Т.19.
20. Надеин-Раевский В.А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории. *Перспективы. Электронный журнал*. 2022; № 1 (28). С. 62-73.
21. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024; № 1 (5). С. 17-24.
22. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022; Т. 24. № 2. С. 291-302.
23. Taha Akyol *Türk dünyası ne demek*. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/turk-dunyasi-ne-demek-1116027> (дата обращения: 18.02.2025).
24. *Турецко-русский словарь: 48 000 слов* / Ред.: Э. М.-Э. Мустафаев и Л.Н. Старостов; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Рус. яз., 1977.
25. Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. Ойкумена. *Регионоведческие исследования*. 2024; № 2. С. 52-62.
26. Грязев А. Обыграть Москву: как Анкара строит тюркский мир. *Газета.ru*. <https://news.rambler.ru/middleeast/44528443-obygrat-moskvu-kak-ankara-stroit-tyurkskiy-mir/?ysclid=m84xghscps922020986> (дата обращения: 01.03.2025).
27. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. *Контуры глобальных трансформаций: политика,*

- экономика, право. 2021; № 5. С. 162–176.
28. Ataç, C. A. Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. *Digest of Middle East Studies*. 2019; (1). P. 48—69 (на тур. яз.).
29. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке. *Пути к миру и безопасности*. 2020; № 1 (58). С. 139—156.
30. Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (г. Нахичевань, 3 октября 2009 года). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433 (дата обращения 12.02.2025).
31. Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока. *Россия и мусульманский мир*. 2015; № 4 (274). С. 94—117.
4. Eremeev D.E. «Turk» - an Ethnonym of Iranian Origin? (On the Problem of the Ethnogenesis of the Ancient Turks). *Soviet Ethnography*. 1990; No. 3. Pp. 129-135. (In Russ.)
5. *History of the Kazakh SSR: from ancient times to the present day: in 5 volumes* / ed.-in-chief of the coll. A.N. Nusupbekov (ed.-in-chief), ed.-in-chief of the coll. S.N. Pokrovsky et al.; Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ch.Ch. Valikhanov: Publishing House Science of the Kazakh SSR, 1977. (In Russ.)
6. Gumilev L.N. *Ancient Turks*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ.)
7. Klyashtorny S.G. *Ancient Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ.)
8. Akishev K.A. *Ancient and Medieval States on the Territory of Kazakhstan (Research Sketches) Monograph*. Almaty, 2013. (In Russ.)
9. Pigulevskaya N.V. *Byzantium and Iran at the Turn of the 6th and 7th Centuries*, Moscow/ Leningrad, 1946. (In Russ.)
10. Bichurin N.Ya. *Collection of information about the peoples who inhabited Central Asia in ancient times*. T. 1. M-L: Publishing house and 2nd type. Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. (In Russ.)
11. Malov S.E. *Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies* /; [ed. A.N. Kononov]; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. M-L: Publishing house of the

References

- USSR Academy of Sciences, 1951. (In Russ.)
12. Tokarev S.E. *Ethnography of the peoples of the USSR: Historical foundations of life and culture*. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1958. (In Russ.)
13. Rashid-ad-Din, *Collection of chronicles*. M-L: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. (In Russ.)
14. *Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*. T. I. Volin S.L., Romaskevich A.A., Yakubovsky A.Yu. M.-L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. (In Russ.)
15. Lashchuk L.P. *Experience of typology of ethnic communities of medieval Turks and Mongols*. Soviet ethnography, 1968; No. 1. P. 95-106. (In Russ.)
16. Baskakov N.A. *Introduction to the study of Turkic languages*. M.: Higher. school, 1969. (In Russ.)
17. Kononov A.N. *Experience in analyzing the term «Turk»*. Soviet ethnography. 1949; No. 1. P. 40-47. (In Russ.)
18. Tekin T. *The problem of classification of Turkic languages. Problems of modern Turkology*. Alma-Ata, 1980. (In Russ.)
19. Baskakov N.A. *Turkic languages*. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1960. (In Russ.)
20. Ereemeev D.E. Pan-Turkism. *Great Soviet Encyclopedia*. M., 1975. Vol. 19. (In Russ.)
21. Nadein-Raevsky V.A. *History of Pan-Turkism and its Modern Supporters*. Part 1. Pan-Turkism: Main Milestones in History. Prospects. Electronic Journal. 2022; No. 1 (28). P. 62-73. (In Russ.)
22. Nadein-Raevsky V.A. *Pan-Turkism in the Framework of the Ideological Expansion of the Turkish Republic. The Middle and Post-Soviet East*. 2024; No. 1 (5). P. 17-24. (In Russ.)
23. Avakov V.A., Sbitneva A.I. *New Nationalism of the Turkish Republic. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Political Science. 2022; Vol. 24. No. 2. Pp. 291-302. (In Russ.)
24. *Taha Akyol Türk dünyası ne demek*. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/turk-dunyasi-ne-demek-1116027> (accessed: 18.02.2025).
25. *Turkish-Russian Dictionary: 48,000 words* / Ed.: E. M.-E. Mustafayev and L. N. Starostov; USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. Moscow: Rus. lang., 1977. (In Russ.)
26. Pritchins S. A. *Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and limitations*. Oikumena. Regional studies. 2024; № 2. P. 52-62. (In Russ.)
27. Gryazev A. *Beat Moscow: How Ankara is Building the Turkic World*. *Gazeta.ru*. <https://news.rambler.ru/middleeast/44528443-obygrat-moskvu-kak-ankara-stroit-tyurkskiy-mir/?ysclid=m84xghscps922020986> (accessed: 01.03.2025). (In Russ.)
28. Avatkov V.A. *Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years*. Outlines of Global Trans-

formations: Politics, Economics, Law. 2021; № 5. P. 162–176. (In Russ.)

29. Ataç, C.A. *Pax Ottomanica no more! The «peace» discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. Digest of Middle East Studies*. 2019; (1). P. 48–69 (In Turkish).
30. Nadein-Raevsky V.A. *Turkey's policy in the Middle East. Paths to peace and security*. 2020; № 1 (58). P. 139–156. (In Russ.)
31. *Nakhchivan agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-Speaking States* (Nakhchivan, October 3, 2009). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433 (date of access 12.02.2025). (In Russ.)
32. Glazova A.V., Ivanenko V.I., Kolesnikov A.A., Svistunova I.A. *The Impact of the «Arab Spring» on Non-Arab Countries of the Middle East. Russia and the Muslim World*. 2015; No. 4 (274). Pp. 94–117. (In Russ.)
33. Volkov K. *What's All the Fuss Around Idlib* // Rossiyskaya Gazeta. 18.02.2020. <https://rg.ru/2020/02/18/zachem-turciia-prishla-vsiriiu.html> (date of access: 01.03.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Сафин Наиль Рашидович,

кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г.Казань, ул.Кремлевская 9.

E-mail: safnail@mail.ru

Нафиков Ильсур Закирзянович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г.Казань, ул.Кремлевская 9.

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Information about the authors

Nail R. Safin,

Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy

Institute of International Relations, History, and Oriental Studies.

Kazan (Volga Region) Federal University

9 Kremlyovskaya St., Kazan, Russia

E-mail: safnail@mail.ru

Ilsur Z. Nafikov,

Ph.D. in History, Associate Professor, Head of
the Department of Altaic Studies, Turkic, and
Central Asian Studies,

Institute of International Relations, History,
and Oriental Studies.

Kazan (Volga Region) Federal University

9 Kremlyovskaya St., Kazan, Russia

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025